

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

Статья I

Нет никакого сомнения, что роман составляет не прихоть, а потребность современного возраста творческой деятельности. Это внезапное наводнение всех образованных литератур света романами не может быть приписано одному увлечению вслед великого шотландца. Вальтер Скотт сам был не более как первенец современного духа; и ежели пример его имел действительно могущественное влияние, то не по чему иному, как потому, что им выразилась всеобщая потребность века, коей стоило быть однажды угаданной, чтобы всюду развиться. Так, во множестве созвучных струн, одна, получившая удар, производит всеобщее сотрясение!

С первого взгляда, это обращение романа во всеобщую потребность для *нашего века* может показаться противоречием. Как! Ему ли -- *нашему ли веку*, столь надменному своею основательностью, положительностью и дельностью -- находить удовольствие в вымыслах, кои, по естественному порядку, должны б составлять исключительную забаву простодушного детства? Это расчетливое благоразумие, выкладывающее арифметически все биения жизни, и -- любовь к романам! Совмещение странное! Но оно окажется не так странным, при более внимательном и глубоком исследовании!..

Общее мнение дает поныне роману значение фантастического сцепления необыкновенных происшествий и не отличает его от сказки ничем, кроме большей сложности в составе, искусственности в обработке и занимательности в содержании. "Это *роман*", -- говорят обыкновенно о происшествиях, сколько-нибудь пробивающихся за тесные рамки ежедневности. Иногда значение сие несколько стесняется; и роману поставляется в необходимую принадлежность известный дозис сентиментальности. Этот новый оттенок преимущественно имеет место при выражениях: *романический, романическое*. Таким образом, в действиях признается *романическое*, когда они основываются не на холодных расчетах благоразумия, а повинуются безотчетно внушениям сердца; и потому каждое происшествие, совершающееся под влиянием любви, сей верховной царицы чувств, считается в высшей степени *романическим*.

Сии понятия одолжены своим происхождением не случаю и прихотливости. Таков действительно был характер сочинений, называвшихся, до наших времен, романами! Имя сие принадлежит векам средним -- этому фантазмагорическому периоду мечтательности и чувствительности. Оно было первоначально *родовым* для поэтических произведений новых романских наречий, образовавшихся из обломков древнего языка римского (латинского), в устах народов, обновивших Европу, и отсюда его этимологическое происхождение. Сии произведения, как и все произведения молодости народов, имели один характер, один тон, одно содержание. Они были верным эхом современной жизни; и потому темой их было то самое рыцарство, с своими видениями и мечтами, с своими чудесами и причудами, которое одно тогда жило и действовало на позорище Европы. Впоследствии, при дальнейшем развитии творческой фантазии, произведения ее, по естественному порядку, должны были сделаться разнообразнее: и тогда имя *романа* осталось *собственным* для тех, кои пребыли верными своему первобытному характеру; точно так как, во времена классической древности, имя *поэмы*, бывшее *родовым* для всех поэтических произведений первоначально, когда они все имели характер эпический, сделалось наконец *собственным* для эпоса. Таким образом, роман искони был не что иное, как народное сказание средних веков, *романтическая поэма, рыцарский эпос*! Его содержание составляли подвиги рыцарского героизма и рыцарской любви, сотканые вольною фантазиею в широкую ткань вольного рассказа. Сия ткань завязывалась обыкновенно чертою мужества или великодушия, подававшего повод к любовной связи между храбрым рыцарем и прекрасною принцессою, которая, быв внезапно прервана недоразумением, несчастием или другим особенным происшествием, разбрасывала любящихся в разные стороны и заставляла кружиться по свету, пока странное сцепление обстоятельств, не без содействия сверхъестественных сил, возводило их, в награду страданий, на престол императорский или, по крайней мере, королевский. Чем запутаннее и узористее была эта ткань, тем богаче казалась ее занимательность. Никто и не думал требовать от ней строгой сообразности с вещественными условиями бытия.